

УДК 821.161.1-1
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-45
Код ВАК 10.01.01
ГРНТИ 17.07.41

З. Г. ХАРИТОНОВА

Казань

ПОЭТИЗАЦИЯ ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ТРАНСПОРТА В РУССКОЙ ЛИРИКЕ XX ВЕКА

(Н. ГУМИЛЁВ, Р. МАНДЕЛЬШТАМ, В. ЦОЙ)

Аннотация: Статья посвящена специфике восприятия образов трамвая и троллейбуса русскими авторами XX века. Автор подробно останавливается на произведениях Н. Гумилёва, Р. Мандельштама и В. Цоя. На примере их лирики делается вывод о том, что в пространстве трамвая и троллейбуса лирические субъекты способны открыть новую правду о жизни и судьбе, по-иному взглянуть на оппозицию жизни и смерти. Трамвай и троллейбус наделяются сверхъестественными свойствами: они способны двигаться, нарушая законы пространства и времени, так как являются принципиально новыми транспортными средствами, не наделёнными душой, в отличие от предшествующей им лошади.

Ключевые слова: городской общественный транспорт, урбанистическая лирика, лирический субъект.

Сведения об авторе: Харитоновна Зинаида Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук подготовительного факультета для иностранных учащихся Казанского (Приволжского) федерального университета.

Контакты: 420000, г. Казань, ул. Кремлёвская, д. 18,
uku-onna@yandex.ru.

Z. G. KHARITONOVA

Kazan

POETICIZING OF URBAN PUBLIC TRANSPORT IN RUSSIAN POETRY OF THE XX-th CENTURY

Abstract: The article traces perception of images of trolleybus and tram by Russian authors of the XX century. Investigating the lyrics of N. Gumilirov, R. Mandelshtam and V. Tsoy author reveals that lyrical subjects are able to discover a new truth about life and fate in the space of trolleybus and tram. They can differently estimate the opposition of life and death, freedom and unfreedom. Trolleybus and tram obtain supernatural qualities in the lyrics of these authors: they are able to move against the laws of time and space. These features become possible because trolleybus and tram seem fundamentally new types of transport, not having soul, in comparison with previously used horse.

Key words: urban public transport, urban lyrics, lyrical subject.

About the author: Kharitonova Zinaida Grigorievna, PhD of Philological Science, Associate Professor at Kazan (Privolzhsk) Federal University, Department of the Humanities, Preparatory Faculty for Foreign Students.

Начиная с эпохи Серебряного века, тема города играет всё более заметную роль в русской поэзии. Появляется романтический городской текст, причём процессу поэтизации подвергаются феномены по сути своей абсолютно прозаические. Город даёт новые темы и объекты, открывает новые области реальности для романтического взгляда, создавая пространство для очередного этапа развития этого литературного направления. Романтическое мироощущение благодаря широте своих оттенков, вариантов становится адекватным разнообразию городских сюжетов и тем, создающих бесконечное поле поэтизаций.

Среди таких сюжетов, казалось бы, мало подходящих для поэтических опусов, оказывается феномен городского общественного электрического транспорта. Однако это техническое явление сразу же попадает в поле зрения писателей и поэтов. Урбанистическая лирика наполнена описанием различных технических новинок, среди которых ярко выделяется общественный транспорт. Это та особенность, без которой практически немислим город эпохи индустриализации, отличающейся значительным ускорением темпа жизни.

Исторически первым видом общественного механического транспорта в России стал электрический трамвай. В 1892 году первые трамваи в Российской империи появляются в Киеве, затем в период с 1896 по 1907 год во многих других крупных городах. Неудивительно, что на это принципиально новое явление в пространстве города отреагировали различные поэты и писатели, причём авторские оценки нового средства передвижения на протяжении XX века неоднократно менялись и дифференцировались. Выстроился целый диапазон отношений к транспортной технике.

Так, например, лирический субъект В. Маяковского в стихотворении «Надоело» (1916 год), увидев, насколько приземлёнными стали люди, говорит: «Истомившимися по ласке губами / Тысячью поцелуев покрою / Умную морду трамвая» [7, с. 8]. В машине ему видится гораздо больше человечности, чем в существах, считающих себя людьми. Трамвай одушевляется и в стихотворениях для детей. Герои песни «Мы в трамвайчике плывём» на стихи Ю. Мориц так обращаются к электрическому трамваю: «Не печалься, наш дружок, / Заливаясь под окном, / Мы прокатимся разочек / На трамвайчике речном!» [9]. Здесь, как и во многих других стихах для детей, мир выглядит дружелюбным во всех своих проявлениях.

Однако существует и совсем иная, более мощная тенденция, согласно которой трамвай наделяется негативными свойствами. Этот вид транспорта в пространстве города выступает как своеобразный аналог поезда в загородном пространстве. Н. А. Непомнящих пишет, что «В XIX веке железная дорога в основном осмысливается как дорога на “тот свет” или воспринимается как гибельное место, “силам адовым сродни”» [11]. Именно такие черты приобрета-

ет трамвай в литературе первой половины и середины XX века. В прозе это знаменитый булгаковский трамвай на Патриарших прудах, а также трамвай Пастернака, в котором умирает доктор Живаго. Смерть под трамваем и в трамвае – явление повседневное, но по причине своей неестественности она оказывается связанной или с вмешательством потусторонних сил или с бездушием окружающих людей. Вот как описывает трамвай в романе «Доктор Живаго» Б. Пастернак: «Юрию Андреевичу не повезло. Он попал в неисправный вагон, на который всё время сыпались несчастья. То застрявшая колесами в желобах рельсов телега задерживала его, преграждая ему дорогу. То под полом вагона или на его крыше портилась изоляция, происходило короткое замыкание, и с треском что-то перегорало. <...> Нечеловеческим усилием воли, шатаясь и едва пробиваясь сквозь сгрудившийся затор стоящих в проходе между скамейками, Юрий Андреевич достиг задней площадки. Его не пропускали, на него огрызались. <...> Он стал протискиваться через толпу на задней площадке, вызывая новую ругань, пинки и озлобление» [14].

Может возникнуть вопрос, почему же трамвай воспринимался рядом авторов столь негативно. Вероятнее всего, он в период своего появления оказался принципиально новым видом транспорта, не наделённым жизнью, душой, в отличие от лошади. Трамвай мог быть истолкован как «нежить» – он движется, тогда как у него нет мыслей, чувств и других характеристик живого существа. Кроме того, он был ещё и принципиально опасен для зазевавшихся пешеходов, суля им страшную смерть.

В лирике трамвай как негативный образ оказался зафиксирован Н. С. Гумилёвым в знаменитом стихотворении «Заблудившийся трамвай». Об этом произведении написано немало. Так Ю. Зобнин видит параллели между этим стихотворением и «Божественной комедией» Данте: «В канун тридцатипятилетия лирический герой Гумилёва (его близость автору, как нам кажется, не вызывает сомнений) оказывается “на улице незнакомой”, где и встречает таинственный трамвай, ведомый “вагоновожатым” (“вожатый” – традиционное наименование Вергилия в дантовской поэме); оказывается в вагоне помимо своей воли <...> и устремляется в прошлое, в ад собственной безбожной души» [2]. По мнению Е. Куликовой трамвай здесь может быть уподоблен кораблям-призракам А. Рембо и Э. По: «Если герой стихотворения Гумилёва страшится бури и расподобления “в бездне времён” на летучем трамвае, то корабль Рембо, свободный от “пассажиров” и матросов, наслаждается хаосом океана <...> Его путь не менее “странен”, чем путь трамвая, одна из черт которого, – необычность его движения. Трамвай летит, нарушая закономерность своего пути, напоминая тем самым путь кораблей-призраков» [5, с. 52]. К. Ичин в статье «Межтекстовый синтез в “Заблудившемся трамвае” Гумилёва» усматривает проявление в этом стихотворении балладного начала через образы мёртвой невесты и ворона. Кроме того, Ичин замечает: «Больше всего перекличек с “Заблудившимся трамваем” в “Мастере и Маргарите” Булгакова (мотивы “трамвая”, “вагоновожатой”, “мёртвой головы” Берлиоза, путешествие через “бездну времён” в “романе Мастера” и в сцене бала у Сатаны» [3].

Д. Яцукто полагает, что Гумилёв описывает путешествие в состоянии медитативного транса: «Новое понимание посвящённым природы времени (сансаранирвана) отображается в желании отслужить “молебен о здравии” покойной Машеньки, живой в царстве мёртвых, и панихиду по себе, живому, но умершему при инициации и умершему в будущем, которое есть всегда» [20].

Исследователи указывают на близость, существующую между «Заблудившимся трамваем» Гумилёва и стихотворением Роальда Мандельштама «Алый трамвай». Творчество Р. Мандельштама пришлось на 1940-50 годы. Этот поэт во многом являлся наследником традиций литературы Серебряного века. Ю. Новиков пишет: «Можно утверждать, что и сама жизнь и поэзия Роальда Мандельштама состоялась как вызов и опровержение окружающей “нежизни”. Путём приобщения к традиции Александра Блока, Николая Гумилёва и Осипа Мандельштама» [12]. По мнению К. Медведева, «Мандельштама отличает “примитивное”, наивное, буквальное понимание творчества как не метафорической, а совершенно конкретной битвы, отождествление поэта с воином...» [8]. Заметим, что и у Гумилёва отождествление лирического субъекта с воином происходит неоднократно. В стихотворении «Память» воин выступает как одна из предыдущих душ, живших в теле героя: «Память, ты слабее год от году, / Тот ли это, или кто другой, / Променял весёлую свободу / На священный долгожданный бой. / Знал он муки голода и жажды, / Сон тревожный, бесконечный путь, / Но святой Георгий тронул дважды / Пулюю нетронутую грудь» [1, с. 289]. В «Рабочем» лирический субъект предрекает свою смерть от пули на поле сражения: «Пуля, им отлитая, просвищет / Над седою, вспененной Двиной, / Пуля, им отлитая, отыщет / Грудь мою, она пришла за мной» [1, с. 194]. Здесь мы видим совершенно конкретное влияние биографии поэта на его лирику, однако ещё в произведениях, написанных до Первой мировой войны, Гумилёв также рассматривает вариант своего лирического «я» как воителя. Так, в стихотворении «Я конквистадор в панцире железном...» поэт пишет следующее: «И если нет полдневных слов звездам, / Тогда я сам мечту свою создам / И песней битв любовно зачарую» [1, с. 5].

По иным причинам происходит отождествление лирического субъекта с воином у Р. Мандельштама. Поэт всю жизнь вынужден был бороться с тяжёлой болезнью, которая изводила страшными болями и не давала возможности свободного передвижения, отсюда мотив борьбы переходит и в его стихи.

Как и у Гумилёва, большое место в творчестве Р. Мандельштама отводится городской лирике. Лирический субъект, как и биографический автор, существуют в урбанистическом пространстве. В стихах Мандельштама трамвай как неотъемлемая часть городской среды появляется неоднократно. Я. Пробштейн пишет о сходствах «Заблудившегося трамвая» Гумилёва и «Алого трамвая» Р. Мандельштама следующее: «Общим же являются сюжет и динамика образного развития, образ кондуктора-палача, который вдруг оказывается ещё и двойником командора то ли из “Каменного гостя” Пушкина, то ли из оперы Моцарта <...>, сам трамвай и обострённо-болезненное восприятие бешеной гонки жизни, неотделимой от смерти» [15].

Рассмотрим эту параллель более детально. В начале обоих текстов лирические субъекты фиксируют факты несвойственных для трамваев способов передвижения. Трамвай Гумилёва летит по воздуху. У Мандельштама вначале он оказывается выброшен «в звёздную изморось ночи» [6], а затем сам в неё же бросается. Упоминание странного «поведения» трамваев может выступать, как некое предупреждение о том, что последующие события будут иметь мало общего с будничными ситуациями, происходящими в трамваях. Кроме того, отметим, что в обоих текстах появление трамвая происходит внезапно. У Гумилёва предвестником его появления выступает целый ряд звуков – «вороний грай, и звоны лютни, и дальние громы» [1, с. 303]. В словаре символов Дж. Тресиддера вороны и вороны рассматриваются как недобрая примета: «В западноевропейской традиции [ворон], подобно своей близкой родственнице – вороне, – птица, связанная со смертью, утратой и войной. <...> В христианстве она символизирует одиночество» [17]. У Р. Мандельштама сама ворона в тексте не фигурирует, однако присутствует специфическое сравнение: «Мёртвой чугунной вороной ветер ударил в лицо» [6]. Создаётся ощущение, будто эта птица сопутствует трамваю. Если рассматривать ворону как знак одиночества, то это состояние оказывается неотъемлемой чертой пребывания лирических субъектов Гумилёва и Р. Мандельштама в трамвае. Они, попав в трамвай, оказываются один на один с враждебной силой, и нет существа, которое могло бы их спасти из мертвенного мира.

Смерть и утрата в тексте Гумилёва представлены в нескольких видах: это и переживание героем собственной гибели, и печаль из-за смерти Машеньки, и смерть старика из Бейрута, дающая возможность понять, что трамвай движется вопреки законам времени. О том, что трамвай несёт лирическому субъекту смерть, у Р. Мандельштама говорит наименование управляющего транспортным средством – «кондуктор могилы». Кроме этого, герой чувствует удушье: «Синее горло сдавила / Цепь золотого руна» [6].

Таким образом, негативное восприятие трамвая как inferнального средства передвижения, несущего смерть, оказывается в этих двух текстах преобладающим. Однако таково ли назначение любого общественного транспорта в русской литературе и в лирике в частности?

Ближе середине XX века трамвай начинает восприниматься горожанами как явно устаревшее транспортное средство, на смену которому приходит троллейбус. Из повседневной жизни образ троллейбуса переходит и в литературу. Однако он оказался представлен там в гораздо меньшей степени, нежели трамвай, возможно, вследствие того, что электрический транспорт стал уже привычным для обывателей. Образ троллейбуса начинает развиваться в русской лирике примерно с конца 1950-х годов, при этом к нему активно обращаются барды, так как именно на этот период приходится расцвет их творчества. В частности, Б. Окуджава в песне «Последний троллейбус» уподобляет его кораблю, спасающему потерпевших крушение: «Последний троллейбус, мне дверь отвори, / Я знаю, как в зябкую полночь / Твои пассажиры, матросы

твои / Приходят на помощь. / Я с ними не раз уходил из беды...» [13]. Троллейбус предстаёт как спасительное, уютное, гостеприимное место.

Ю. Ким в одноимённой песне отчасти продолжает настроение Окуджавы. Троллейбус он называет «наивным корабликом», на котором человек может хотя бы на время ощутить защищённость от враждебного мира: «Но сумрак не душит, и ветер не ёжит, / Всё будет не так и, конечно, не лучше, чем мягкий полёт по ночному кольцу...» [4]. Троллейбус у него способен к бесконечному закольцованному движению: «И кружит, и кружит последний троллейбус по вольному кругу ночного кольца. / И ты не робеешь, и я не колеблюсь кружить и кружить по нему без конца...» [4].

О закольцованности маршрута пишет и М. Танич в песне «Троллейбус кольцевой», где его путь становится местом встречи любящих людей: «Мы теперь выходим вместе в восемь тридцать / Чтобы вечером, соскучась друг по другу, / Как на первое свиданье возвратиться / По любимому троллейбусному кругу...» [16]. У Танича троллейбусное кольцо уподобляется кольцу обручальному: «Троллейбус кольцевой на правом безымянном / Мы носим эту копию Садового кольца» [16]. Закольцованность у Кима и Танича – не негатив, а, напротив, возможность длить общения с любимым человеком.

Интересно, что позитивность взаимоотношений человека и троллейбуса создала даже возможность превращения электрического героя в персонаж лирики для детей. В стихотворении «Троллейбус» Э. Успенского он наделяется свойствами живого существа и страдает от того, что за его каждодневный труд никто не скажет спасибо: «Спешит, спешит троллейбус, / А слёзы так и катятся и катятся из фар» [18].

Во всех этих текстах заметно доброе, человеческое отношение к троллейбусу. Он выступает как бескорыстный помощник, спасающий из беды, дарующий любовь. По отношению к другим «троллейбусным» текстам особняком стоит песня «Троллейбус» Виктора Цоя.

Стоит упомянуть, что в песенной лирике Цоя мы встречаем упоминания о множестве технических средств, существовавших в городе рок-поэта: о телевизоре, радио, квартирном телефоне и телефоне-автомате. Попадают в его песенную лирику и различные виды общественного транспорта – метро, трамвай, троллейбус, электричка. Однако именно электричке и троллейбусу посвящены отдельные песни, названия этих транспортных средств вынесены в заглавия. Оба эти транспорта наделяются автором определённого рода волей («Электричка везёт меня туда, куда я не хочу» [19, с. 33]; «В кабине нет шофёра, но троллейбус идёт» [19, с. 120]).

Текст песни «Троллейбус» открывают слова: «Моё место слева, и я должен там сесть, / Не пойму, почему мне так холодно здесь» [19, с. 120]. Необъяснимый холод выступает как синоним дискомфорта. Дискомфорт подчёркивается и словом «должен», не дающим лирическому субъекту права на выбор. Упоминания о холоде есть и в «Алом трамвае» Р. Мандельштама: «Пара пустых коридоров / Мчится один за другим. /

В каждом – двойник командора / Холод гранитной ноги» [6]. Здесь холод сопутствует миру сверхъестественно-инфернальному.

Вначале трамвай Р. Мандельштама представлен как пустой, в «Заблудившемся трамвае» Гумилёва нет упоминания о других пассажирах, а Цой, напротив, неоднократно подчёркивает, что в троллейбусе находится много людей: «Все люди – братья, мы – седьмая вода, / И мы едем, не знаю, зачем и куда...» [19, с. 120]. Однако стихотворение Р. Мандельштама не является полностью противоположным песне Цоя, если говорить о количестве находящихся в транспортном средстве пассажиров, ситуация по мере развития сюжета несколько усложняется. В предпоследнем четверостишии читаем: «Кто остановит вагоны? / Нас закружило кольцо» [6]. Кто именно понимается под местоимением «мы»? Если это лирический субъект, двойники командора и кондуктор могилы, то в этом случае финал их пути будет одинаков, хотя в начале текста лирический субъект чётко противопоставлен им с точки зрения оппозиции «живое – мертвенное». Если же в трамвае присутствуют другие пассажиры, то их образы не раскрыты. Воспринимая трамвай Р. Мандельштама, как транспортное средство, уносящее героя на тот свет, мы можем предположить, что оно является не к одному, а ко многим людям, ибо смерть уравнивает всех.

Если понимать трамвай и троллейбус в этих текстах как средства, через которые судьба вершит свою волю, вполне логичным выглядит следующий факт, роднящий все три произведения. Непонятно, почему герои оказываются в транспортных средствах. Лирический субъект Цоя находится в троллейбусе дольше, нежели лирические субъекты Мандельштама и Гумилёва в трамваях: «Я не знаком с соседом, хоть мы вместе уж год» [19, с. 120], но предыстории его попадания в салон в тексте нет. Не вполне ясно и то, для чего персонаж находится в пространстве троллейбуса: «И вот мы гадаем, какой может быть прок в троллейбусе, который идёт на Восток» [19, с. 120].

В «Алом трамвае» предыстория оказывается сжатой до минимума. Лирический субъект Р. Мандельштама просыпается в трамвае: «Сон оборвался. Не кончен» [6]. Явь, которая предстаёт перед его глазами, оказывается во много раз ирреальнее и страшнее сна, то есть кошмарный сон и действительность фактически меняются местами. В «Заблудившемся трамвае» Гумилёва присутствует достаточно развёрнутая экспозиция, объясняющая, если так можно сказать, ситуацию встречи героя с трамваем: «Шёл я по улице незнакомой и вдруг услышал вороний грей...» [1, с. 303]. Однако лирический субъект рассказывает: «Как я вскочил на его подножку, было загадкой для меня» [1, с. 303], то есть, возможно, некая сила будто затягивает его в вагон. В действиях сил судьбы подчас трудно отыскать законы логики, поэтому все три автора не ставят вопроса, почему их лирические субъекты попадают в пространство трамваев и троллейбусов, а констатируют уже свершившийся факт.

Также во всех трёх текстах герои сталкиваются с невозможностью покинуть транспортное средство. У Гумилёва рефреном повторяется фраза: «Ос-

тановите, вагоновожатый, / Остановите сейчас вагон» [1, с. 303], но герой сразу же обозначает невозможность этого действия через слово «Поздно». Лирический субъект Р. Мандельштама задаёт вопрос «Кто остановит вагоны?» [6], который по сути становится риторическим. Лирические субъекты обоих поэтов оказываются фактически пленёнными чужой трудно идентифицируемой волей. Иначе выглядит ситуация в троллейбусе Цоя: «Мы тонем, хотя каждый знает, где брод», «Мой сосед не может, он хочет уйти. / Он не может уйти – он не знает пути» [19, с. 120]. Из этих слов следует, что пассажиры находятся в троллейбусе отчасти и по своей вине: они пассивны и не пытаются найти пути. Получается, что в данном случае спасение утопающих оказывается делом рук самих утопающих. Возможно, поэтому пассажиры троллейбуса именно тонут, хоть и в переносном смысле. Глагол «тонуть» входит в лексико-семантическую группу «смерть», однако тема смерти оказывается представлена в этом произведении Цоя в гораздо меньшей степени, чем в стихотворениях Гумилёва и Р. Мандельштама.

У Р. Мандельштама смерть является неотъемлемой частью мира трамвая, что заметно уже на уровне лексических единиц: «кондуктор могилы», «ад или рай». Лирический субъект понимает, что оказался в принципиально ином мире, отличном от мира живых. Здесь же в каждом вагоне находится и гранитный двойник командора – надгробная статуя. В связи с последним образом в «Алом трамвае» сама смерть предстаёт как возмездие, правда, лирический субъект не понимает, за что именно. Смерть – это невозможность вырваться из круга: «Нас закружило кольцо».

У Гумилёва лексическое поле связанных со смертью слов весьма широко: «что умер в Бейруте год назад», «кровью налитые буквы», «мёртвые головы», «умерла», «панихида». И всё же смерть в «Заблудившемся трамвае» оказывается понятием относительным, главным образом во временном плане. С одной стороны, мы читаем о смерти лирического субъекта, но при этом он сам рассказывает о своей смерти как свершившемся ранее факте: «Голову срезал палач и мне, / Она лежала вместе с другими / Здесь, в ящике скользком на самом дне» [1, с. 304]. Также живым представлен и нищий старик, «что умер в Бейруте год назад»: «И, промелькнув у оконной рамы, / Бросил нам вслед пылливый взгляд» [1, с. 303]. В итоге между живыми и неживыми разница оказывается весьма незначительной: «Люди и тени стоят у входа / В зоологический сад планет» [1, с. 304]. Эти две категории способны меняться местами, вот почему лирический субъект говорит: «Там отслужу молебен о здравьи / Машеньки и панихиду по мне» [1, с. 304]. При этом воссоединение с потерянной возлюбленной в финале стихотворения всё равно оказывается невозможным, так как трамвай не доставил героя в то измерение, где жива Машенька. Однако сам процесс пути неким образом меняет его сознание.

Факт того, что транспортное средство оказывается в центре видения автора, уже предполагает, что на нём герой преодолевает определённый путь в пространстве.

В текстах Цоя и Гумилёва присутствует наименование места, куда движется транспорт. У Гумилёва помимо Сены это Нил и Бейрут, то есть ближний Восток. У Цоя место, куда движется троллейбус, не настолько конкретно – оно обозначено просто как восток. Более того, лирический субъект добавляет: «Мы едем, не зная, зачем и куда». Абсолютной конкретности нет и у Гумилёва: Нил и Бейрут не являются в полном смысле слова целью или конечными пунктами путешествия. Трамвай довозит до вокзала, на котором можно «в Индию Духа купить билет», то есть продолжение возможно уже как «виртуальное», нефизическое перемещение. Как мы уже говорили, в отличие от произведений Цоя и Гумилёва, в стихотворении Р. Мандельштама лирический субъект погибает, так как оказывается закруженным в кольцо. Кольцо здесь воспринимается как знак дурной бесконечности, из которой нельзя вырваться. У трамвая нет никакого пункта назначения, что и становится причиной гибели героя.

В таком случае, движение, имеющее свой пункт назначения, может быть расценено не как однозначно негативное, ведь троллейбус Цоя, движущийся на восток, даёт пассажирам возможность увидеть звезду, хотя на долю секунды. Звезда в данном случае может быть воспринята как романтический символ идеального мира. По мнению Н.К. Неждановой, в песенной лирике Цоя: «ощущение, что вокруг “ни одной знакомой звезды”, воспринимается как трагическое, а звезда оказывается источником света, милосердия и добра. <...> В песне “Троллейбус” появляется образ путеводной звезды, возникающий и в других текстах» [10, с. 146].

Герой Гумилёва не отправляется в «Индию Духа», а напротив, возвращается в Петербург. В предпоследней строфе мы читаем: «Верной твердынею православья / Врезан Исакий в вышине...» [1, с. 304]. Тем не менее путешествие на трамвае не стало бесконечным движением по замкнутому кругу. Оно заставило его вспомнить об умершей возлюбленной, ведь в начале текста нет упоминаний о Машеньке, они появляются только в середине. Также герой открывает для себя новую правду о жизни: «Понял теперь я: наша свобода / Только оттуда бьющий свет...». Новые знания не сделали его жизнь легче, напротив, он заключает: «И всё же навеки сердце угрюмо, / И трудно дышать, и больно жить... / Машенька, я никогда не думал, / Что можно так любить и грустить» [1, с. 304]. Трамвай дал герою новые знания, которые принесли ему и новые печали.

Как нам удалось увидеть, все три текста, в которых упоминается электротранспорт, достаточно различны. Если Гумилёв в большей степени размышляет над проблемами жизни и смерти, то в поле зрения Р. Мандельштама оказывается произвол жизни по отношению к человеку. Цой же делает акцент на судьбе коллективной, когда некая сила движет сообщество вперёд, но непонятно, зачем, и никто не пытается понять это и тем более противостоять этой силе.

Однако все три текста оказываются, хотя и по-разному, связаны с темой судьбы человека, понимающейся как то, что существует над

индивидуальной волей. Сила, более могущественная, чем отдельный человек, окрашивается авторами в сверхъестественные оттенки, так как не всегда происходящие в жизни индивида процессы можно объяснить рациональным путём. Сверхъестественное начало по своей сути становится тем, что проглядывает за оболочкой привычных вещей из обыденной жизни. Именно поэтому трамвай и троллейбус наделяются авторами мистическими способностями: они появляются из ниоткуда; двигаются несвойственным данному транспортному средству способом или же вообще без помощи шофёра; пронзают пространство и время.

Такая, казалось бы, прозаическая деталь городской жизни, как электротранспорт, бесконечно поэтизируется тремя авторами, каждым – своим особым способом. Соединение трёх текстов в одном литературоведческом дискурсе порождает новое пространство ощущения современным человеком вечных вопросов любви, жизни и смерти, свободы и судьбы.

Литература

1. *Гумилёв Н. С.* Стихотворения и поэмы [текст] / Н. С. Гумилёв – М.: Астрель: АСТ: Полиграфиздат, 2010. – 395, [5] с.

2. *Зобнин Ю.* «Заблудившийся трамвай» Н. С. Гумилёва (к проблеме дешифровки идейно-философского содержания текста) [Электронный ресурс]: Электронная статья / Ю. Зобнин // Николай Гумилёв. Электронное собрание сочинений: сайт. – 06 ноября 2008. – Режим доступа: <http://gumilev.ru/about/43/> (дата обращения 29.04.2015).

3. *Ичин К.* Межтекстовой синтез в «Заблудившемся трамвае» Гумилёва [Электронный ресурс]: Электронная статья / К. Ичин // Николай Гумилёв. Электронное собрание сочинений: сайт. – 06 ноября 2008. – Режим доступа: <http://gumilev.ru/about/27/> (дата обращения 29.04.2015).

4. *Ким Ю.* Последний троллейбус [Электронный ресурс] / Ю. Ким // PesenOk: Тексты песен, слова песен, переводы песен, видео, клипы: сайт. – 27 июля 2010. – Режим доступа: <http://pesenok.ru/26/Yuliy-Kim/tekst-pesni-Posledniy-trolleybus> (дата обращения 29.04.2015).

5. *Куликова Е. Ю.* «Заблудившийся трамвай» Гумилёва и корабли-призраки [текст] / Е. Ю. Куликова // Филологический класс: Региональный методический журнал учителей словесников Урала. – Екатеринбург, 2009. - № 22. – С. 51-57.

6. *Мандельштам Р.* Алый трамвай [Электронный ресурс]: Электронная статья / Р. Мандельштам // Электронная библиотека КОАПП: сайт. – 04 июня 2000. – Режим доступа: <http://koapp.narod.ru/hudlit/poems/book23.htm> (дата обращения 29.04.2015).

7. *Маяковский В. В.* Сочинения в одном томе [текст] / В.В. Маяковский. – М.: Художественная литература, 1940. – 526 с.

8. *Медведев К.* Роальд Мандельштам [Электронный ресурс]: Электронная статья / К. Медведев // «Призрак забытой руки». Шумовой альбом на стихи

Роальда Мандельштам: сайт. – 11 июля 2006. – Режим доступа: <http://kirillmedvedev.narod.ru/roald3.html> (дата обращения 29.04.2015).

9. *Мориц Ю.* Мы в трамвайчике пльвём [Электронный ресурс] / Ю. Мориц // Татьяна и Сергей Никитины: сайт. – 12 октября 2012. – Режим доступа: <http://sergeyatiananikitiny.com> (дата обращения 29.04.2015).

10. *Нежданова Н. К.* «Крест» и «звезда» Виктора Цоя [текст] / Н. К. Нежданова // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – Вып. 5. – С. 142–151.

11. *Непомнящих Н. А.* Железная дорога как комплекс мотивов в русской лирике и эпосе (обзор) [текст] / Н. А. Непомнящих // Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы. – Новосибирск, 2012. – С. 92-105.

12. *Новиков Ю.* Предисловие к сборнику Р. Мандельштама «Алый трамвай» [Электронный ресурс]: Электронная статья / Ю. Новиков // Электронная библиотека КОАПП: сайт. – 04 июня 2000. – Режим доступа: <http://koapp.narod.ru/hudlit/poems/book23.htm> (дата обращения 29.04.2015).

13. *Окуджаву Б.* Последний троллейбус [Электронный ресурс] / Б. Окуджаву // Булат Окуджаву Стихи и песни: сайт. – 12 июня 2004. - Режим доступа: <http://www.fro196.narod.ru/library/okujava/6.htm> (дата обращения 29.04.2015).

14. *Пастернак Б.* Доктор Живаго [Электронный ресурс]: Электронная книга / Б. Пастернак // Библиотека «Вехи»: сайт. – 25 сентября 2014. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/index.html> (дата обращения 29.04.2015).

15. *Пробштейн Я.* Песен звонкая тшета [Электронный ресурс]: Электронная статья / Я. Пробштейн // Стихи.ру: сайт. – 22 мая 2000. – Режим доступа: <http://www.stihi.ru/2011/07/23/1442> (дата обращения 29.04.2015).

16. *Танич М.* Троллейбус кольцевой [Электронный ресурс] / М. Танич // Караоке: сайт. – 11 марта 2003. – Режим доступа: <http://karaoke-nn.ru/Info/info2728.htm> (дата обращения 29.04.2015).

17. *Тресиддер Д.* Словарь символов [Электронный ресурс]: Электронная книга / Д. Тресиддер // Библиотека Гумер – гуманитарные науки: сайт. – 10 октября 2008. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/JekTresidder/index.php (дата обращения 29.04.2015).

18. *Успенский Э.* Троллейбус [Электронный ресурс] / Э. Успенский // Омнибус. Газета о пассажирском транспорте: сайт. – 28 октября 2011. – Режим доступа: <http://www.omnibus.ru/arhiv/anthology/uspenskij/> (дата обращения 29.04.2015).

19. *Цой В.Р.* Группа крови [текст] / В.Р. Цой. – М.: Эксмо, 2008. – 318 с.

20. *Яцутко Д.* Ещё раз о стихотворении Николая Гумилёва «Заблудившийся трамвай» [Электронный ресурс]: Электронная статья / Д. Яцутко // Николай Гумилёв. Электронное собрание сочинений: сайт. – 06 ноября 2008. – Режим доступа: <http://gumilev.ru/about/11/> (дата обращения 29.04.2015).